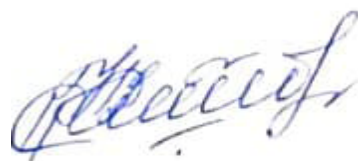

На правах рукописи

ПОВЕРЕННАЯ АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОЧНОГО
ДИСКУРСА:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Майкоп – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Нечай Юрий Петрович,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Красавский Николай Алексеевич,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
кафедра немецкого языка и методики его преподавания, профессор

Серебряков Анатолий Алексеевич,
доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет», кафедра отечественной и мировой
литературы, заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится «16» июня 2022 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.09 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/4188/>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование выполнено в рамках современных направлений теории языка и посвящено сказочному дискурсу как одному из информационных источников, доносящему до настоящего времени историческую, культурную и языковую специфику германского и славянского этносов и позволяющему подробно знакомиться с их легендами, верованиями и предрассудками.

Сказка проделала долгий путь от воспроизведения примитивно-фантастической действительности до символического и философского переосмысления. Она отражает степень познания человеком окружающего мира и самого себя, позволяющей судить о специфике национального самосознания этноса, динамике развития мышления и выработанных им лингвокультурных ценностей.

Степень разработанности темы исследования. На настоящий период времени существует целый ряд работ, в которых сказка рассматривается как особая область языка с присущими ей синтаксическими особенностями (Брандаусова 2008), жанровым своеобразием (Скороходько 1991), психолингвистическим моделированием концептов персонажей (Елина 2013), кросс-культурной лингвофольклористикой (Девицкая 2014), способами лингвопрагматической репрезентации фантазийных концептов (Петрова 2011), лингвокультурными характеристиками сказочного дискурса (Акименко 2005), лингвокультурологическими и когнитивными аспектами (Эпоева 2007), этнолингвистическим и этнокультурным аспектам (Плахова 2007, Соборная 2004), лингвистикой текста (Ласкавцева 2001) и др. Однако интенсивное развитие информационных технологий, а также антропологический поворот во всем цикле лингвистических дисциплин, способствовали стремительному расширению и качественному изменению исследовательской парадигмы в языкознании, поскольку это понятие традиционно изучалось и анализировалось, в основном, в рамках литературоведения.

Актуальность исследования определяется тем, что среди насущных вопросов, рассматриваемых в современной теории языка, особое внимание приковывает сформировавшийся в том или ином этническом сообществе определенный образ мира, отпечаток которого несет в себе и один из древних жанров словесности – сказка, сохраняющая и обобщающая исторический, культурный и социальный опыт народа. Сказка представляет собой один из информационных источников исторической, этнокультурной и языковой специфики германского и славянского этносов. Этот жанр проделал долгий путь от воспроизведения примитивно-фантастической действительности до символического и философского переосмысления. Текст сказочного дискурса способен не только формировать в сознании реципиента реальную картину среды обитания, традиции и обычаи представителей данного этноса, но и маркировать наиболее характерные черты национального менталитета. Чтобы понять многовекторность сказочного дискурса, необходимо иметь четкое представление об историческом процессе зарождения и развития самого фольклора и статуса сказки как одного из его жанров. Особую ценность и перспективность

исследование получает при анализе и сопоставлении практического языкового и культурного материала разных этнических сообществ, в данном случае немецкого и русского этносов.

Объектом исследования является немецкий и русский сказочный дискурс.

Предметом исследования выступают культурно-аксиологические и лексико-стилистические особенности немецкого и русского сказочного дискурса.

В работе выдвигается **гипотеза**, согласно которой сказочный дискурс рассматривается как активная среда реализации специфических параметров категории сказочности, вербализующихся на разных уровнях языковой структуры.

Практическим языковым материалом исследования послужили тексты сказок из сборников народных сказок «Kinder- und Hausmärchen» Вильгельма и Якоба Гриммов и «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева, а также данные, извлеченные из толковых и переводных словарей. Лингвистическому анализу подвергнуты 55 сказок на немецком языке, 55 их переводов на русский язык, выполненные Е. Гиляровой, К. Савельевым и Г. Петниковым, а также 61 русская сказка.

Общий объем картотеки составил более 3 420 примеров (1100 немецких, 1100 их переводов и 1220 русских).

Цель исследования заключается в комплексном лексико-стилистическом и лингвокультурологическом анализе немецкого и русского сказочного дискурса.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- 1) провести анализ теоретико-методологических основ научного понимания, трактовки и эволюции сказочного дискурса;
- 2) исследовать и дескриптивно представить мифологическую картину мира и религиозно-мифологические представления;
- 3) выявить и проанализировать культурно-аксиологические и лексико-стилистические особенности сказочного дискурса;
- 4) описать аксиологические характеристики образов положительных и отрицательных героев в сказочном дискурсе;
- 5) раскрыть и описать лингвосемиотические особенности актуализации образов животных и птиц в сказочном дискурсе.

В работе использованы следующие **методы** исследования: описательный метод, метод контекстуального анализа, метод стилистического анализа, метод интерпретации лексического материала, метод количественного анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сказочный дискурс – это, условно ограниченный рамками социокультурной и коммуникативной ситуации, речемыслительный процесс между автором и читателем сказочного произведения. Сказочный дискурс, помимо собственно текста, формируемого языковыми единицами, включает совокупность экстралингвистических факторов, носящих ярко выраженный этнокультур-

турный характер, – представления о мире, мировоззренческие установки, нравственно-этические и эстетические ориентации и т.д.

2. Структура немецкой и русской сказки располагает устойчивыми элементами, неизменяемым и последовательным сюжетом. Билатеральная особенность данного жанра характеризуется, с одной стороны, своим многообразием, пестротой и сказочностью, а с другой стороны, незначительным количеством сказочных функций, но большим числом действующих лиц.

3. Специфичным для сказочного дискурса представляется изобразительно-выразительный потенциал фонетических средств (аллитерация, ассонанс, звукоподражания), функционирование особой культурно-маркированной лексики, обилие образных художественных средств, обусловленных лингвокультурологическими и мифопоэтическими характеристиками.

4. Положительные и отрицательные герои в немецких и русских сказках характеризуются, с одной стороны, схожестью общечеловеческих свойств и качеств, а с другой стороны, совершенно разными типами и видами языковых описаний героев. Деление персонажей в сказках обоих народов на положительных и отрицательных производится с позиции их отношения к герою или другим типам ведущих положительных персонажей. В некоторых случаях их причастность к той или группе не зависит от их отношений с другими. Негативный поступок, осуществленный преднамеренно или случайно героем, не меняет его положительного статуса, например, если он наказывает своего брата или близкого человека за измену или другой проступок. У других же персонажей такой статус может меняться. Для анализа мотивов важно то, в какую именно группу в момент анализируемого состояния входит персонаж.

5. Исходя из культурных традиций, территории проживания, этнических и религиозных различий немецкого и русского народов, выделяются главные типы животного эпоса, которые зависят также от временных и пространственных рамок. В сказках обоих народов можно встретить неспецифических, «сквозных» (*лиса, волк*), относительных (*медведь, кошка-кот*) и абсолютно специфических персонажей (*мышь, бык, свинья, коза-козёл, воробей, заяц*). Различия в их наборе и количестве в текстах обоих языков свидетельствует о непостоянстве, вариативности этих показателей.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные идеи и концепции, изложенные в трудах отечественных и зарубежных учёных в области:

– теории дискурса: Н.Д. Арутюнова (1990); В.Г. Борботько (1981); В.З. Демьянков (1982); В.И. Карасик (1999, 2000); А.А. Кибрик (2003); М.Л. Макаров; Е.С. Кубрякова (2005); Е.В. Сидоров (2008), Ю.С. Степанов (1995), Р. Барт (2001); Э. Бенвенист (1974); Т.А. ван Дейк (1988); П. Серио (1999) и др.;

– теории текста: Л.Г. Бабенко (2005); М.М. Бахтин (1986); В.В. Виноградов (1958); И.Р. Гальперин (1981); Е.С. Кубрякова (1994); Ю.М. Лотман (1970); Р. Барт (2007) и др.);

– мифологии и фольклора: Ф.И. Буслаев (1861); А.Н. Афанасьев (1996); А.А. Потебня (1989); А.Н. Веселовский (1979); В.Я. Пропп (1976); Е.М. Мелетинский (1970); Я. и В. Гримм (1987); М. Мюллер (1863) и др.;

– лингво- и этнокультурологии: В.В. Красных (2010), Н.А. Акименко (2005), С.Г. Воркачев (2004), Г.Г. Слышкин (2004), И.С. Соборная (2004), О.Н. Буянова (2001), В.И. Карасик (2001), В.А. Маслова (2001), Ю.С. Степанов (1997) и др.

Научная новизна работы состоит в следующем: 1) определен статус немецкого и русского сказочного дискурса как лингвокультурного феномена, в пространстве которого представлены национально маркированные этнокультурные фрагменты национального образа мира; 2) выявлены и проанализированы фонетические, лексико-семантические и стилистические характеристики сказочного дискурса как сферы реализации мифического и сакрального; 3) изучены и описаны ценностные доминанты, представленные в характеристиках образов положительных и отрицательных героев сказочного дискурса в немецком и русском языках; 4) в интегративном ракурсе изучены и описаны образы животных и птиц в немецком и русском сказочном дискурсе.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит из уточнения статуса и типологических черт сказки как особого типа дискурса, выявления этнокультурной специфики сказок как отражения национальной картины мира и менталитета народа. Полученные результаты способствуют дальнейшему углублению и расширению понятийного содержания ряда лингвистических терминов, формирующих метаязыковую основу сказки как текста. Работа приносит определенный вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологии, лингвофольклористики, стилистики текста.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы при чтении лекционных курсов, в разработке спецкурсов и семинаров по проблемам теории текста и сказочного дискурса, лингвокультурологии, стилистики и лексикологии немецкого и русского языков, а также при написании выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций по данной тематике.

Апробация исследования заключается в изложении и обсуждении положений работы на заседаниях кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета, в выступлениях с докладами по теме диссертации на научно-практических и научно-методических конференциях молодых учёных в рамках Недели науки Кубанского государственного университета (Краснодар, 2020, 2021 г.); на Международной научной конференции «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» («Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция») (Пекин, КНР, февраль 2019 г.); на VI Международной научно-практической конференции «Германистика в современном научном пространстве» (КубГУ, Краснодар, февраль 2020 г.); на VII Международной научно-практической конференции «Германистика в современном научном пространстве» (КубГУ, Краснодар, 2021 г.); на Международной конференции в Англии «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, May 2. 2020).

По теме диссертации опубликованы **11** работ, **3** из них в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК.

Структура работы определяется её исследовательскими задачами. Диссертация объёмом 191 страница состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка (235 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертации обосновывается актуальность проводимого исследования, определяются гипотеза, цель, задачи, материал и методы анализа; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации диссертационного исследования.

В **первой главе «Теоретические основы изучения сказочного дискурса в лингвокультурологии» в параграфе 1.1 «Мифологическая картина мира и её отражение в языке»** рассматриваются базовые понятия *картины мира* на рубеже XX–XXI вв. в философии, психологии, культурологии, когнитологии и лингвистике. Отмечается также, что в когнитивной лингвистике актуален термин «концептосфера» (в психологии он не может быть никоим образом), а в лингвокультурологии – «национальный образ мира» [Гачев 1998], «модель мира» [Гуревич 1995], «the mapping of the world» (картирование мира) [Семейн, Тарасова 2005], «менталитет» [Маслова 2001], [Werlen 1998] и др.

В антропологии и семиотике термин «языковая картина мира» появился благодаря трудам немецкого языковеда и специалиста по кельтологии и общему языкознанию, представителя неогумбольдтианского направления Л. Вайсгербера. По его мнению, словарный запас отдельно взятого языка включает наряду с языковыми знаками также и определенный блок понятийных мыслительных средств, находящийся в распоряжении общества. А поскольку каждый носитель языка овладевает этим словарным объемом, то и все члены языкового общества, вольно или невольно, усваивают эти мыслительные средства. Это подтверждает гипотезу о том, что язык в своих понятиях содержит определенную единую картину мира, которую трансформирует затем всем членам сообщества [Вайсгербер 1993].

Ряд исследователей, подчеркивая тесную связь языка и *картины мира*, акцентируют внимание на том, что язык – это не только составная часть культуры, но и её орудие, выражающее специфические черты национальной ментальности. Именно язык человека служит механизмом, который открывает перед ним область сознания [Жинкин 1998]. Следовательно, понятие «картина мира» тесно связано с понятием «языковая картина мира». Нет сомнения и в том, что язык, на котором мы говорим, определенным образом влияет на формирование наших взглядов относительно окружающего нас мира. Проследить это можно при сопоставлении немецкой и русской *языковых картин мира*, результаты которого вскрывают существенные отличия. Слово «часы» в русском языке подразделяется на *наручные, песочные, настольные*, а в немецком языке для этого служат разные слова. Русским понятиям *жениться* и *выйти замуж* в немецком языке соответствует один эквивалент – *heiraten*, а два немецких *Mauer* и *Wand* выражаются одним словом – *стена*. Русскому глаголу *знать* в

немецком языке соответствуют *wissen, kennen, können, sich auskennen, Bescheid wissen*.

Мифологическое пространство – это пространство, в котором пребывают сверхъестественные силы, духи, тотем рода, боги. Следовательно, зарождение и существование мифов – это своего рода первая попытка человека понять и объяснить окружающие его явления природы и общества в те далекие времена. Поэтому *мифологическая картина мира* представляет целостную, универсальную форму сознания, объединяющую религиозные верования, политические убеждения и знания. Миф не является повествованием о чем-то чудесном или легендой. Для исследования он доступен только в виде образного и словесного следа, в то время как живой самовоспроизводящийся миф есть особый тип мышления, хронологически и по существу противостоящий историческому и естественнонаучному типу мышления [Топоров 1988].

Таким образом, мифологическая картина мира послужила определенной базой для формирования и развития представлений человека о мироздании. Но ее польза намного шире, поскольку она не только помогала людям на первобытном этапе выжить и осмыслить окружающий их мир, но и способствовала трансформации полученных о нем знаний последующим поколениям.

В **параграфе 1.2 «Зарождение и эволюция сказочного нарратива»** прослеживаются пути его зарождения и становления. Этот жанр устного народного творчества очень подходил для этого, поскольку представлял собой короткий, придуманный рассказ с небольшим количеством персонажей, а сюжет связывался с каким-то одним основным эпизодом. По мнению известного отечественного ученого-фольклориста В.В. Проппа, является тот факт, что ни сам автор, ни читатель не верят в её содержание. Присутствие же вымышленного и волшебного направлено на рефлексию таящихся в ней красоты действительности и различие истин [Пропп 1998]. Подобного рода рассказы передавались от поколения к поколению и проделывали большой путь во времени – от греческих мифов, рассказов Средневековья, более известных сказок XVIII в. до настоящего времени.

Формирование фольклористики во второй половине XIX – начале XX в. создало предпосылки для становления сравнительно-исторического метода, открывшего новые пути изучения фольклорных произведений с последующим зарождением и формированием школы сравнительной мифологии, одним из первых представителем которой был русский ученый А.Н. Афанасьев (1826–1871). С этого момента, как в России, так и в Европе сказка начинает завоевывать все большую популярность. Лингвистический анализ многочисленных источников зарождения и эволюции сказки свидетельствует о том, что в разных языках термин «сказка» воспринимается и трактуется далеко неоднозначно. Латинский термин *fabula*, например, многозначен и интерпретируется не только как *разговор, сплетня, предмет разговора*, но и как *рассказ, сказка и басня*. Смысловое значение «басня» вошло в немецкий язык в виде *Fabel*. В Европе фольклорная сказка практически никак не интерпретировалась и для ее обозначения употребляли самые различные слова. Первое упоминание термина в немецком языке относят к 1500 году в значении «краткое повествование». Немецкий же язык использует термин *Märchen* – *короткий рассказ (kurze*

Erzählung), производный от слова *Mär* или *Märe* (высок., устарев. сказание, легенда; странная история) с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*. Русский язык до XVII в. использовал для характеристики этого жанра народного творчества термины *баснь* или *байка*. И только в XVII в. слово «сказка» начинает обозначать все виды устной прозы, для которой характерен поэтический вымысел, и восприниматься до середины XIX в. как *забава* или *развлечение* для детей и низших слоев общества. В настоящее время в немецкой лингвокультуре приняты следующие трактовки понятия «сказка»: «Ein Märchen ist eine ursprünglich überlieferte Erzählung, die wunderbare Begebenheiten schildert. Unter Märchen verstand man unwahre, wunderbare Geschichten, die man sich zum Spaß und zum Zeitvertreib erzählte» [Wilpert 2000]. То есть сказка – первоначально устно передаваемый рассказ, в котором описываются чудесные события, происшествия.

Не менее важен и тот факт, что жизненный период существования этого жанра, трансформируемого из одного поколения в другое, очень продолжителен. Он наполнен не только многообразием художественных средств языка (эпитеты, олицетворения, повторы, песни, образные выражения), но и приемами вымышленного, иногда чрезмерно увеличенного или уменьшенного фантастического изображения действительности. Такого рода формы, совершенствуясь на протяжении долгого времени, стали традиционными и уже теснейшим образом связаны с укладом жизни немецкого и русского народов. Тем не менее, несмотря на отличие немецких и русских сказок друг от друга, между ними существует и много общего, например, сходство стремлений, желаний и надежд, что свидетельствует о совпадении идеалов и конфликтов в жизни обоих народов, т. е. о противостоянии бедности и богатства, ума и глупости, трудолюбия и лени.

В параграфе 1.3 «Исторические предпосылки и эволюция теории сказочного дискурса» основное внимание уделено интенсивному развитию и кардинальной смене основополагающих аспектов лингвистических исследований в области современного языкознания.

Как известно, исследования XIX в. сосредоточены в основном на выявлении законов языка по матрицам, уже устоявшимся в других дисциплинах, – естественно-научным и логико-математическим. Начиная со второй половины XX в. большинство лингвистов осознали, что тот язык, который подвергался всестороннему изучению, являлся в действительности некой научной абстракцией, не имеющей никакой связи ни с «человеческим фактором», ни с процессом коммуникации. Присутствие человека в качестве субъекта порождения языковых единиц в научной парадигме послужило основой для формирования теории коммуникации и речевого взаимодействия, теории речевых актов, теории текста, теории высказывания, а также новой языковой единицы – «дискурса». Сам термин представляет собой объект междисциплинарного изучения.

Как известно, лексема *discursus* имела место в классической латыни еще в V веке н.э. и понималась как «беседа, разговор». Правда, не всегда под этим термином подразумевалась беседа. В период Средневековья «дискурс» приравнивали к слову «текст» или «разговор в размышлении». Начиная с XVI ве-

ка термин *discour* встречается уже и во французских источниках в значении «речь перед собранием людей». Примерно так же трактовали данный термин английские ученые – «речь» или «разговор». В русской культуре периода XVIII–XIX вв. дискурс понимался как устный монолог.

Основные направления исследования дискурса в Европе заложены «французской школой», понятие которой объединяет ряд формально-структурных и функциональных лингвистических школ и направлений, представленных такими франкоязычными исследователями, как М. Пеше, П. Серио, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др. Методологической основой французской школы сформировавшейся к началу 1960-х годов послужили идеи структурализма. Ее представители занимаются изучением дискурса главным образом с философской, исторической, социокультурной и политико-идеологической позиций и основное внимание акцентируют на письменном нормативном типе текстов. Широкое внимание лингвистов привлекла работа философа М. Фуко, вышедшая в 1969 году, автор которой представляет «концепцию дискурса как механизм высказывания и как институционный механизм, что отвергает всякий поиск скрытого смысла» [Серио 1999: 14].

Взгляды исследователей немецкой школы дискурсивного анализа У. Мааса, Ю. Линка, З. Егера формировались с опорой на основные постулаты теории дискурса М. Фуко. В Германии термин «дискурс» появился в научных исследованиях в 1990-х годах и понимался исследователями неоднозначно. Существует несколько направлений в его трактовке. Первое направление – это классический анализ текста, представителями которого являются Г. Брюннер, Р. Филер, В. Киндт, и лингвистический дискурс-анализ (*linguistische Diskursanalyse*), представленный в работах Д. Буссе, Ф. Херманнса, В. Тойберта, Г. Штётцеля. В этом же ключе проводит свои исследования совместно с единомышленниками и М. Юнг. Другое направление – общественно-научный дискурс-анализ (*sozial-wissenschaftliche Diskursanalyse*), которым занимались З. Егер и Ю. Линк – последователи М. Фуко. В работах Ю. Линка дискурс трактуется в виде институционально закрепленной манеры говорения, поскольку она направлена на определение и закрепление действий и осуществление власти. По мнению исследователя, дискурс несет в себе специальные знания, которые урегулированы, институционализированы и связаны с определенными действиями [Link 1983].

На рубеже XVII и XIX вв. термин «дискурс» в русистике встречается в основном в художественной литературе в значении «устный монолог». Несколько позже, в первой половине XX в. термин стал использоваться для замены слов «речь» и «разговор». В гуманитарных дисциплинах XIX в. присутствует прилагательное «дискурсивный», как правило, уже в значении «рассудочный», предполагающего отношение мысли к монологической речи, т.е. в смысле «связанный монолог». В отечественной лингвистике выделяют два основных подхода к анализу дискурса: московский и волгоградский. Московский подход опирается на работы В.И. Тюпы и его соратников и трактует дискурс с позиции Т. ван Дейка: дискурс – «коммуникативное событие», подразумевающее аспекты: креативный (субъект коммуникативной инициативы –

автор), референтный (предметно-смысловая сторона высказывания) и рецептивный (адресат) [Тюпа 2001].

В.И. Карасик в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [2002] рассматривает не только аспект лингвокультурологии, но и такие насущные вопросы дискурса, как определение, категории, типы, отмечая при этом, что многие термины, в том числе и дискурс, которые используются сразу в нескольких областях знания (в лингвистике, прагмалингвистике, психолингвистике и др.), имеют достаточно спорную интерпретацию. Дискурс, по его мнению, явление промежуточного порядка между *речью, общением, языковым поведением*, с одной стороны, и *фиксируемым текстом*, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны [Карасик 2000].

В научных исследованиях Г.Н. Манаенко предпринята попытка суммировать различные подходы к пониманию дискурса как общепринятого типа речевого поведения субъекта в определенной области деятельности человека, детерминированного социально-историческими условиями с утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов. Автор понимает дискурс в виде конструкта, в который входят четыре компонента: 1) среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка); 2) социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения; социальная активность участников, их личные отношения); 3) содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фон знаний, знание норм и правил коммуникации); 4) текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо жанру, композиционное построение высказывания, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия) [Манаенко 2003].

Таким образом, в современной лингвистике трактовка понятия «дискурс» представляется неоднозначно и характеризуется несколькими подходами в определении. 1. Коммуникативный (функциональный) подход: дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, т. е. тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции. В рамках коммуникативного подхода термин «дискурс» трактуется как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [Карасик 1999]. 2. Структурно-синтаксический подход: дискурс как фрагмент текста, т. е. образование выше уровня предложения. Под дискурсом понимаются два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса. 3. Структурно-стилистический подход: дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой. 4. Социально-прагматический подход: дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты. Данная классификация позволяет понять, что природа дискурса тройственна: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым

ситуациям общения, другая – к процессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту [Хурматуллин 2009].

В параграфе 1.4 «К проблеме классификации сказочного дискурса и его сюжетов» отмечается, что впервые попытка классификации сказок была предпринята в начале XIX в. русским этнографом и фольклористом И.П. Сахаровым, распределившим их по типам героев: богатыри, удалые люди, глупцы, умники, чудовища и пр. Однако эта классификация не получила признания среди исследователей, так как в нее не входили сказки о животных, а герои были представлены из разного вида сказок. В течение десяти лет (1855–1864 годы) А.Н. Афанасьев издает свой первый сборник сказок. Его содержание выглядит довольно хаотично вследствие того, что выпуск осуществлялся по мере поступления сказочного материала в редакцию. Классификация второго издания (1873) после тщательной переработки и систематизации автором получила в научных кругах высокую оценку и признание. Несмотря на то, что в этой классификации имеет место определенная неупорядоченность, при более глубоком и научном ее осмыслении в ней можно отметить уже основные крупные разряды: сказки о людях, т.е. волшебные и новеллистические, а также сказки о животных. Из сказанного можно заключить, что исследователь выделил три основные группы сказок: фантастические (мифологические), или волшебные сказки; сказки о животных и новеллистические сказки.

Интенсивные усилия по разработке общих принципов классификации сюжетов сказок предпринимали ученые и в зарубежной фольклористике второй половины XIX в.: И. Ган (I. Hahn), С. Баринг Голд (S. Baring Gould), Ф. Стил (F. Steel), Р. Темпл (R. Templ), Э. Коскен (E. Cosquin), Г. Гомм (G. Gomme), И. Якобс (I. Jacobs), В. Шовэн (V. Chauvin), Б. Хаджеу (B. Hadjeu) и др. Несмотря на некоторые расхождения в названиях, подходах и технике классификации сказочного материала, в этих работах просматривается тенденция к объединению многочисленных сюжетов в более ограниченное количество групп.

Тем не менее, в то время ни И. Ган, ни другие исследователя не смогли достичь нужных результатов, поскольку все их классификации не доводились до завершения и базировались на довольно скудном материале.

Плодотворная работа по изучению фольклора отечественными и зарубежными учеными способствовала накоплению огромного сказочного материала, который требовал новой и широкой научной систематизации. Одной из систематизаций сказочного материала был «Указатель сказочных типов» представителя финской школы Антти Ааматуса Аарне (1867–1925), который вошел в международный обиход. Автор представил в нем фольклорный материал в виде трех больших разрядов: 1) сказки о животных; 2) собственно сказки; 3) анекдоты. Сказки о животных делятся по названию животных (о лисе, о прочих диких животных, о диких и домашних животных, о человеке и диких животных, вплоть до «прочих животных и предметов») [Николаева, Сафронов 1999]. А. Аарне подразделяет сказки в своем указателе не только на волшебные, легендарные и новеллистические, но и на разряды и подразряды. Волшебные сказки он распределяет и по действующим лицам, правда, не выдер-

живаает этот принцип и в действительности исходит из признаков. А легендарные и новеллистические сказки он подразделяет по мотивам.

В 1950–1970-х гг. в исследованиях по изучению фольклора намечается тенденция к сведению количества групп в репертуаре сказок к трем или четырем. Так в работе Э.В. Померанцевой «Судьбы русской сказки» [Померанцева 1963] выделены «четыре основные группы сказок: сказки о животных, волшебные сказки, авантюрные и бытовые» [Зуева 1995: 82].

В.Я. Пропп относит сказку к области народной прозы и характеризует ее по «структурным признакам». «В результате, – отмечает он, – она распадается на сказки волшебные, кумулятивные, о животных, о людях». Ученый предлагает более узкий термин «тип», типы он делит на сюжеты, сюжеты – на версии и варианты.

Неплохих результатов добился отечественный славист-литературовед Н.И. Кравцов, подразделивший структуру сказочного текста на роды, жанры и жанровые разновидности и сумевший обоснованно соединить их в тематическую группу в виде волшебных, социально-бытовых сказок и сказок о животных. Такая расстановка сказочного материала представляется наиболее приемлемой и в теоретическом, и в практическом плане, поскольку лингвистический анализ имеющихся классификаций данного жанра можно считать устоявшимся и представляющим следующие общепринятые типы: сказки о животных; фантастические (мифологические), или волшебные сказки, и новеллистические (бытовые) сказки.

Таким образом, фольклористика располагает множеством данных по исследованию сказки, включая и ее определение. Несмотря на многочисленные усилия, отечественным и зарубежным исследователям до сих пор не удалось выделить конкретные признаки, которые послужили бы основанием для создания единой классификации сказок.

Вторая глава *«Лингвокультурная специфика вербализации сказочного дискурса в немецкой и русской картинах мира: аксиологический аспект»* состоит из четырех параграфов. В **параграфе 2.1** *«Синкретизм структуры и содержания немецкого и русского сказочного дискурса»* предпринимается анализ европейского пути развития общества, наглядно подтверждающий, что формирование национального характера у представителей Западной Европы протекало в условиях индивидуального образа жизни и ведения хозяйства, т. е., когда интересы одной личности подавляют общественные и конечная цель состояла в том, чтобы выработать у индивида самостоятельность во всем, в том числе и в отношении родителей. Например, немцы с раннего детства приучают своего ребенка к обдуманым действиям и самостоятельности. Поэтому сегодняшние немецкие подростки приучены не перекладывать на чьи-то плечи свои заботы и трудности. Однако стремление к независимости имеет и обратную сторону: любовь к родителям часто выражается лишь в телефонных звонках, причем не чаще раза в месяц или вообще в прекращении с ними любых контактов.

На протяжении всей истории русская культурная общность поддерживала коллективный вид отношений, а самой первой общественной ячейкой для него была семья. Для России это особенно характерно, поскольку русские се-

мы всегда были большими и проживали часто под одной крышей. Коллективное сознание представителя русской этнокультурной общности ставит на первое место уважение к родителям и старшим, интересы семьи, радость и благополучие детей. Успехам же в труде, творчеству и свободе отводилось второстепенное место, а формирование личного мнения протекало под влиянием коллектива.

Главные персонажи немецких сказок не только не рассчитывают на какие-нибудь повеления со стороны отца, матери или старших братьев, но и не видят в этом необходимости, поскольку рассчитывают только на свой ум и собственные силы.

Для немецких волшебных сказок характерны и достаточно частотны такие лексические единицы, как *treu dienen; fleißig sein; sich alle Mühe geben; vor Freude immer größere Stiche machen; er war ihm sein Leben lang treu gewesen; alle Arbeit von Herzen tun, in der großen Freude Arbeit tun*. Им всем присущ оттенок с положительной коннотацией: «...weil du mir so treu gedient hast, so will ich dich selbst wieder hinaufbringen» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «...так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда». – Она взяла ее за руку и привела к большим воротам [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

В русских народных сказках имеют место лексические единицы с положительной коннотацией: *не сидеть без дела, дома с легкостью управляться, с работой сладить, работа горит у нее, недаром хлопотать, верой-правдой служить, работа рук моих не минует, в поле возиться подпеваючи, уж как взялся за гуж, на все дюж и др.*, например: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка!» [А. Афанасьев. Василиса Прекрасная. №104. С. 127].

Леность представлена в немецкой сказке целым рядом лексических единиц: *Langeweile haben; du, in der Ecke, du musst auch was lernen; an dir ist Hopfen und Malz verloren; war vergnügt und spielte vor ihm herum; sie fing an zu faulenz; in Saus und Braus leben* и др.

Значительный корпус такого рода лексических единиц мы отмечаем и в текстах русских сказок: *что же ты не учишься, али целый век хочешь дураком изжить, сидит на завалинке, греется на солнышке, дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил* и др.

Итак, лингвистический анализ немецких и русских сказок позволяет нам достаточно полно установить сходства и различия такого понятия, как «Faulheit» / «лень», которое в немецкой сказке сопровождается более негативной коннотацией; более положительной оттенок характерен для русской сказки, где данное понятие воспринимается скорее, как простительная слабость.

В параграфе 2.2 «Лингвостилистические особенности сказочного дискурса» анализируются фонологические, звукоподражательные, лексические средства, а также стилистические фигуры речи.

Набор фонетических стилистических средств рассматривается в рамках учения о благозвучии, или эвфонии (от греч. – *благозвучие*). Важная роль в обеспечении благозвучия в сказочном дискурсе отводится двум эвфоническим повторам (фигурам): *аллитерации, ассонансу*.

Аллитерация с помощью фонетических эффектов формирует у читателя яркую картину сказочного дискурса, например: *Da rief eine feine Stimme aus der Stube heraus: "Knupper, knupper, Kneischen. Wer knuppert an meinem Häuschen?" Die Kinder antworteten: "Der Wind, der Wind. Das himmlische Kind,"...* [Brüder Grimm, Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок: «Хруп да хрум все под окном. Кто грызет и гложет дом?» Дети ответили: «Это гость чудесный. Ветер поднебесный!»...* [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51].

В данном примере аллитерация создаёт прочное сцепление единиц и эффект последовательности действий, придаёт ритмичность высказыванию, усиливает его образность, в результате читатель получает яркое впечатление от представляемой картины.

Расхождение в составе звукоподражаний немецкого и русского языков кроется, скорее всего, в специфике культуры и географической среды проживания их носителей, в наличии или отсутствии тех или иных звуков в фонологической системе немецкого или русского народов, а также в разных путях, по которым осуществлялось освоение языковой действительности.

В немецком сказочном дискурсе значительная роль в реализации семантических и эмоционально-экспрессивных оттенков отводится и такой категории слов, как модальные слова и частицы. Преимуществом обладают также наклонения и модальные глаголы, в то время как в русском – модальные слова и частицы. Эти расхождения выходят за рамки лексических отношений и оказываются существенными для построения высказываний, например: «...*wenn du alle Arbeit im Hause ordentlich tun willst, so soll dir's gut gehn. Du musst nur achtgeben...*» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «*Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри...*» [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82]. В данном случае тип модального отношения в русском языке не называется, а лишь имплицитно просматривается на базе синтаксиса.

Немецкий и русский сказочный дискурс богат и такими лексическими средствами, как *фразеологизмы*, которые представляют собой устойчивые словосочетания, воспроизводимые одинаково представителями как одного, так и другого социума, например: *hässlich, wie die Sünde werden* [Brüder Grimm. Die weiße und die schwarze Braut]; *wie mit Mulden gießen* [Brüder Grimm. Die drei Brüder]; *сидеть сложа руки* [«Василиса Прекрасная»].

Глубина мудрости и красочная палитра в немецком и русском сказочном дискурсе широко реализуется и тропами: *эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, ирония, перифраз* и многие другие. Их присутствие в тексте сказки помогает наделять явления окружающей действительности новыми свойствами, вследствие чего они приобретают абсолютно иную форму и содержание и выглядят ярче и выразительнее. Один и тот же контекст способен заключать в себе как отдельные, независимые виды тропов, так и их сочетание.

Довольно частотно в сказочном дискурсе представлено и *олицетворение*. Этот лексический прием служит в сказках для придания неодушевленным предметам признаков, свойственных только человеку и создания волшебного

мира, который изобилует невероятными чудесами. Они могут общаться друг с другом, переживать, жаловаться – одним словом, проживать собственную жизнь. Примечателен и тот факт, что олицетворению подвергаются как предметы, так и птицы, животные. Например, в сказке «Frau Holle» – («Госпожа Метелица») печка обращается к бедной девушке со словами: «*Ach, zieh mich raus, zieh mich raus, sonst verbrenn' ich: ich bin schon längst ausgebacken*» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «*Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, – я давно уж испекся!*» [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Наши исследования показали, что в 20 из отобранных немецких и русских сказках основными тропами являются: в немецкой волшебной сказке – эпитет (59%), сравнение – (6%), гипербола – (5%), метафора – (5%), литота – (3%) и олицетворение – (3%); в русской волшебной сказке – эпитет (62%), сравнение – (8%), гипербола – (4%), метафора – (4%), литота – (4%) и олицетворение – (3%).

В сказках о животных выявлено несколько иное процентное отношение: в немецкой сказке – эпитет (61%), метафора – (10%), гипербола – (6%), олицетворение – (4%) и сравнение – (5%); в русской сказке – эпитет (6,8%), метафора – (11%), гипербола – (8%), олицетворение – (5%) и сравнение – (3%).

Что касается социально-бытовых сказок, то в немецкой сказке основную роль выполняют олицетворение – (35%), эпитет – (14%), гипербола – (9%) и литота – (6%); в русской сказке – олицетворение – (42%), эпитет – (15%), гипербола – (11%) и литота – (7%). Думается, что цифры в русских сказках отражают еще и языческую культуру, при которой окружающий мир воспринимался как живой.

В результате наблюдений нами установлено, что в немецких и русских волшебных сказках главная функция формирования образности отводится эпитету, сравнению и гиперболе. В сказках о животных, преобладающая функция которых направлена на бытовое воспитание, основное место занимает эпитет, что значительно сближает их в плане коммуникативной установки с социально-бытовыми сказками.

В усилении выразительности сказочного дискурса немаловажную роль играет, как известно, синтаксис, а точнее, стилистические фигуры речи: лексический повтор (анафора и эпифора), антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, оксюморон, синтаксический параллелизм, риторические вопросы, умолчание, эллипсис и др.

Особенно наглядно в сказочном дискурсе выделяются парные *тавтологические сочетания* – слова в одинаковых формах: *лягушка-квакушка, хитрей-мудрей, костями-огрызками (осыпали), долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли, подумал-подумал, идет да идет, лежит-издыхает, стук да гром, искала, искала, не нашла, хитрей-мудрей, а к чему, зачем* и др.

В 20 отобранных нами немецких и русских сказках основными ресурсами для формирования выразительности речи служат: в немецкой волшебной сказке – повторы (32%), параллелизм – (10%), бессоюзие – (7,4%), эллипсис – (7,7%) и антитеза – (6,8%); в русской волшебной сказке – повторы (31%), параллелизм – (10,5%), бессоюзие – (8,4%), эллипсис – (8,2%) и антитеза – (7,4%).

В сказках о животных нами выявлено почти одинаковое количество средств создания выразительности: в немецких – повторы (40,2%), параллелизм (13,2%), бессоюзие (8,4%), эллипсис (7,8%) и антитеза (7,8%); в русских сказках – повтор (45%), параллелизм (14%), бессоюзие (8,9%), эллипсис (8,1%) и антитеза (8%).

В социально-бытовых сказках количественный показатель таковых намного меньше. В немецкой сказке повтор составляет 38,2%, параллелизм – 19%, бессоюзие – 6,2%, параллелизм – 20,1%), градация – 5,2%, риторический вопрос – 4,1%. В русских социально-бытовых сказках повтор составляет 23,3%, параллелизм – 1,2%, бессоюзие – 7,3%, параллелизм – 23,4%, градация – 6,4%, риторический вопрос – 5,6%.

Результаты подсчетов свидетельствуют о том, что роль повторов состоит в создании эффекта длительности действия, конечного результата или в усилении; параллелизм упорядочивает действия или события; бессоюзие и эллипсис служат для придания речи динамизма; функция антитезы – сопоставление и семантическая связь конкретных представлений и понятий; риторический вопрос или восклицание направлены на активизацию внимания слушателя или читателя.

В параграфе 2.3 «Аксиологические характеристики образов героев в сказочном дискурсе» рассматривается присутствие в контекстах немецкого и русского сказочного дискурса значительного числа труднопереводимой лексики, в том числе и восходящей к мифонимам (от греч. *mythos* – сказание, предание и *онута* – имя, название) – мифологическим именам. К данной категории слов мы относим имена собственные вымышленных существ или героев. В немецких сказках это такие имена, как *Rumpelstilzchen*, *Rapunzel*, *Frau Holle*, *Frau Trude*, *Aschenputtel*. В русских сказках они представлены мифонимами типа *Баба-Яга*, *Кащей Бессмертный*, *Чудо-Юдо*, *Морозко*, *Змей Горыныч* и др. Образы положительных героев, их помощников и чудесных предметов составляют единую систему, доносящую до нас народные чаяния и идеалы; все они противопоставлены темным силам сказочного царства. Ведьма (*die Hexe*) в немецком сказочном дискурсе – старуха-колдунья, седая и сгорбленная, с крючковатым носом, владеющая тайнами приготовления различных снадобий. В сказках немецкого народа существует и второй вариант обозначения ведьмы: *die Zauberin* – волшебница, чародейка, колдунья. По нашим наблюдениям, он имплицитно несет более положительную коннотацию. В немецком фольклоре Фрау Холле – языческая богиня смерти, которая известна как Госпожа Метелица. Этимологию самого образа проследить достаточно сложно, правда, считается, что данный персонаж пришел из скандинавской мифологии. В русских переводах волшебных сказок это имя трансформировано в Госпожу Метелицу вследствие того, что во время перетряхивания ею своей перины на Земле наступает зима и идет снег. При сопоставлении текстов немецкого и русского сказочного дискурса прослеживается достаточно большое концептуальное сходство образов, однако в этимологии имен героинь не просматривается ничего общего. Персонаж фрау Холле довольно мрачный и ассоциируется в сознании читателя с царством мертвых. Даже маленький штрих подчеркивает ее образ: «*Endlich kam es (Das arme Mädchen. – А.Р.) zu einem kleinen Haus, daraus*

guckte eine alte Frau, weil sie aber so große Zähne hatte, ward ihm angst, und es wollte fortlaufen» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – *Пришла она (бедная девушка. – А.П.) к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать* [Пер.Г.Петникова. №24. С. 82].

Первое знакомство читателя с ведьмой в сказке «Hänsel und Gretel» / «Гензель и Гретель», в которой она в самом начале проявляет гостеприимство, сочувствие к детям. Но вскоре от нежных слов и обращений не остается и следа. Речь ведьмы наполняется грубыми оскорблениями и упреками: *Dann ging sie zur Gretel, rüttelte sie wach und rief: «Steh' auf, Faulenzerin, trag Wasser und koch deinem Bruder etwas Gutes, der sitzt draußen im Stall und soll fett werden. Wenn er fett ist, so will ich ihn essen»* [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *«Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, – вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем»* [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51]. Теперь дети для нее – лакомая пища и она поступает с ними как с животными. Более того, возможно, сама ведьма и мать, отправившая их на гибель, – это раздвоение одного и того же персонажа.

К известным отрицательным героям русского сказочного дискурса относятся Баба-Яга – в славянской мифологии лесная старуха-волшебница, ведьма, обитающая в дремучем лесу, заправляющая вихрями и вьюгами. Ее изба окружена забором из человеческих костей, на заборе черепа, вместо засова – человеческая нога, вместо замка – рот с острыми зубами. Она летает по воздуху и отправляется на шабаш ведьм в железной ступе, погоняя толкачем или кликою. У нее под рукой всегда волшебные кони, сапоги-скороходы и гусли-самогуды. «Мифологический словарь» под редакцией Е.М. Мелетинского [1990] дает определение ведьмы как злой старухи- колдуньи. Облик Бабы-Яги складывается также из ее описания и речи. При появлении Ивана она находится в избушке. Лежит, как правило, на печке, на лавке или на полу. Яга занимает собой всю избу. *«Впереди голова, в одном углу нога, в другом другая»* [Афанасьев №102, С. 124]. *«На печке лежит Баба Яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос», «морда жилиная, нога глиняная»* [Афанасьев №102, С. 124]. Слово «нос» очень информативно, «так как соединяет в себе самые разнообразные функции – коннотативную, когнитивную, фатическую, метаязыковую, поэтическую» [Топоров 1995: 230].

Проведенный анализ материала свидетельствует о том, что добрая ипостась Бабы-Яги встречается в 79% русских сказок, а злая составляет 21%.

В русском сказочном дискурсе мы встречаем и множество других персонажей. Одни из них – ужасные и грозные, другие – таинственные и непонятные, а третьи – добрые и готовые в любой момент прийти на помощь. К ним относятся Кощей (Кашей) Бессмертный – антагонист в русских сказках и фольклоре. Царь, колдун, иногда всадник на волшебном говорящем коне часто выступает в роли похитителя невесты главного героя. В славянском язычестве – хранитель подземного царства. Изображается в виде худого высокого старика либо живого скелета, часто представляется скардным и скупым.

Иван-дурак, или Иванушка-дурачок, – один из главных персонажей русского сказочного дискурса. По некоторым версиям, имя с эпитетом *дурак* является именем-оберегом, предотвращающим сглаз. Всегда стремится к поиску собственных решений, часто противоречащих здравому смыслу, но в конечном счете приносящих успех. Его социальный статус, как правило, низкий, т.е. он – крестьянский сын или сын старика со старухой. В семье часто являлся третьим, младшим сыном. Не женат. С помощью волшебных средств и особенно благодаря своему «не уму» Иван-дурак побеждает противника, женится на царской дочери и получает богатство и славу. Следовательно, отрицательные персонажи в русских и немецких сказках характеризуются, с одной стороны, сходством общечеловеческих свойств и качеств, а с другой стороны, несовпадением типов и видов речевых / языковых описаний героев. Примечательно, что в немецком и русском сказочном дискурсе при значительном концептуальном сходстве образов не просматривается даже небольшая общность в этимологии имен этих персонажей.

В параграфе 2.4 «Лингвосемиотические особенности актуализации образов животных и птиц в сказочном дискурсе.» Количество различных животных-персонажей в сказочном дискурсе обусловлено соответствующим кругом их присутствия в немецком или русском территориальном ареале. Более того, перечень диких животных, как в немецких, так и в русских сказках намного больше, чем домашних, например, *медведь, волк, лиса, дикий кабан, заяц, ёж, ворона, цапля, дрозд, журавль, дятел* и др. Наряду с ними присутствуют и домашние животные: *овца, лошадь, свинья, коза, кот, петух* и др. При этом ведущая роль, по нашим наблюдениям, отводится все же диким животным. Звери, умные и хитрые, жадные и свирепые, слабые и покорные, наделяются типическими чертами, занимают в этом царстве конкретное место, напоминая об отношениях господства и подчинения среди людей, например, «Волк и семеро козлят», «Заяц и еж», «Кошка и мышка», «Волк и лиса» и др. Проказы волка и лисы, приключения кота и лисы, петушка, козы-дерезы, козла, журавля и цапли, мышки и десятка других зверей, птиц – это истории, не только развлекающие читателя, но и несущие в своем содержании глубокий смысл.

Данный тип сказочного дискурса обладает одним большим сходством – практически весь он является нравоучительным, высмеивающим на примере поведения животных различные черты человеческого характера. Повествование в нем – это простое жизненное описание, правда, поступательное наращивание сюжета осуществляется по-разному. Например, в сказке «Der Hase und der Igel» / «Заяц и еж», описывается встреча зайца и ежа в лесу, их пари, соревнование друг с другом, финал, смешное завершение и проигрыш спора быстрым зайцем. Или же другой пример из русской сказки «Бобовое зернышко»: Петушок поперхнулся за едой. Курочка бежит за водой по его просьбе к речке, речка просит за это принести ей листок от липки, липка – взамен нитки от девки, а та – молоко от коровы и т.д. Речевые реплики в текстах сказочного дискурса многообразны и специфичны. Некоторые сказки могут состоять как частично, так и полностью из диалогов: «Лиса и тетерев», «Кочет и курица», «Бобовое зернышко» (или «Смерть Петушка»). Диалогическая игра ведет к

появлению в текстах сказок целого ряда моментов исполнительского искусства, примером тому могут быть «Колобок», «Кот, петух и лиса», «Волк и коза», которые вплетают в текст и небольшие песенки. Сказочный образ параллельно может реализовываться как в мимике, так и в жестах. Появление песенок в текстах сказок о животных, по-видимому, объясняется развлекательной установкой сказителя на детскую аудиторию, что подтверждается и частыми повторами главного эпизода повествования, позволяющими прояснять мысль благодаря подчеркиванию сходства ситуаций и контраста следствий.

Хотя сюжетные линии текстов немецких и русских сказок о животных во многом перекликаются, их герои иногда наделены разными характерами, что обусловлено несовпадением менталитетов и обычаев. Некоторые животные в немецких сказках отсутствуют ввиду географического положения Германии или из-за непопулярности их как сказочных образов (*рак, тетерев, дрозд, соболя, куница*). То же можно сказать и о русских сказках, где нет, к примеру, *осла, выти, удода*. Кроме того, в немецком сказочном дискурсе животные олицетворяют часто иные черты, чем в русском. Имеют место и персонажи, абсолютно не типичные для русской сказки. Так *заяц* олицетворяет надменность и горделивость; в образе *ежа* можно увидеть изворотливость и азарт («Der Hase und der Igel» / «Заяц и еж»); *кот* – храбрый, умный, хитрый, находчивый и лживый («Der Fuchs und die Katze») / «Лис и кошка», «Katze und Maus in Gesellschaft» / «Дружба кошки и мышки»); *гусь* отличается умом и находчивостью («Der Fuchs und die Gänse» / «Лис и гуси»); *лиса* – умом, ловкостью и умением находить выход из самой сложной ситуации («Der Wolf und der Fuchs» / «Волк и лиса», «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» / «Лис и госпожа кума», «Der Fuchs und die Katze» / «Лис и кошка», «Die Hochzeit der Frau Füchsin» / «Свадьба госпожи лисицы», «Der Fuchs und das Pferd» / «Лиса и лошадь»), это скорее отрицательный персонаж; *волк* предстает перед нами как жадный и глуповатый, вечно попадающийся на хитрости и уловки лисы («Der Wolf und der Fuchs» / «Волк и лиса», «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» / «Волк и семеро козлят», «Der Wolf und der Mensch» / «Волк и человек», «Rotkäppchen» / «Красная шапочка»); *медведь* – как глупый зверь, использующий свою силу не по разуму («Der Zaunkönig und der Bär» / «Королек и медведь»); *мышь* – как добрая и наивная («Die treuen Tiere» / «Верные звери», «Katze und Maus in Gesellschaft»).

В качестве подтверждения сказанного воспользуемся сопоставительной характеристикой образа лисы в немецком сказочном дискурсе. В сказке «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» / «Лис и госпожа кума» волчица зовет в кумовья лиса. Лис становится крестным отцом у мальчика-волка. Во время празднества, наевшись вдоволь и якобы заботясь о будущем малыша, лис заявил: *«Ich weiß einen Schafstall, woraus wir leicht ein gutes Stück holen können»* [Brüder Grimm. Der Fuchs und die Frau Gevatterin. №74. S. 335]. – *«Я знаю одну овчарню, из которой нам нетрудно будет добыть лакомый кусочек»* [Пер. Г. Петникова. №74. С. 230]. Волчице понравилось предложение, и она отправилась с кумом на овчарню, но сам лис не участвует в авантюре, а ждет, пока это сделает волчица. Результат: мужики задают волчице трепку, кое-как она убирается в лес, встречает по дороге притворно побитого лиса, помогает

ему добраться до своего дома. Но, как только они подошли к дому, лис тут же весело заявляет: «*Lebt wohl, liebe Frau Gvatterin, und laßt Euch den Braten wohl bekommen*», – «Счастливо оставаться, милая кумушка – не прогневайтесь на угощенье!» и весело исчезает.

Но не во всех сказках лиса оказывается победителем. Очень поучительна сказка «*Der Fuchs und die Katze*» / «Лис и кошка», в которой она пытается учить кошку: «... *ich will dich lehren, wie man den Hunden entgeht*» [Brüder Grimm. *Der Fuchs und die Katze*. №75, S. 396]. – «*Пойдем, я научу, как от собак уходить*» [Г. Петникова. №75. С. 231]. Однако лиса поплатилась за свою самоуверенность и хвастовство. Появляются охотники с собаками, кошка взбирается на дерево и прячется в ветвях и листве, а лиса поймана собаками.

Правда, в текстах сказок лиса не всегда эгоистична и готова обманывать. Например, в сказке «*Der Fuchs und das Pferd*» / «Лиса и лошадь» она проявляет благородство. С помощью лисы старая лошадь, выполняя условие своего господина, притащила льва к дверям его дома, и он разрешил ей жить у себя, пока она не околела.

Можно отметить и тексты таких сказок как «*Die weiße Schlange*» / «Белая змея», «*Von dem Mäuschen, Vögelchen und der Bratwurst*» / «О мышке, птичке и жареной колбасе», «*Die Hochzeit der Frau Füchsin*» / «Свадьба госпожи лисицы»; «*Der Wolf und der Mensch*» / «Волк и человек» и многие другие.

В своем исследовании из 55 немецких текстов сказочного дискурса нами отобраны 20 наиболее частотных наименований животных и птиц, лингвистический анализ которых позволил выявить следующую статистику: *Pferd* (лошадь, конь) – 11,9%; *Fuchs* (лиса/лис) – 10,5; *Wolf* (волк) – 10,5; *Hahn*, *Henne* (петух, петушок, курочка) – 9,8; *Hund* (собака) – 9,1 и т.д. Наименьшая частотность присутствия у *Stier* (бык, вол) – 2,8% и *Gans* (гусь) – 2,1%. Частотность остальных названий животных и птиц намного меньше: *Drossel* / дрозд, *Eule* / сова, *Löwe* / лев, *Löweneckerchen* / жаворонок, *Sperling* / воробей, *Wildschwein* / кабан, свинья отмечены лишь дважды и составляют 1,4 %, а наименования таких животных и птиц, как *Adler* / орел, ястреб, *Elch* / лось, *Haselhuhn* / рябчик, *Igel* / еж, *Nachtigall* / соловей, *Pudelhund* / пудель, *Rebhuhn* / куропатка, *Reh* / косуля, лань, *Rohrdommel* / выпь, *Schwan* / лебедь, *Wiedehopf* / удод, *Tiger* / тигр, *Zaunkönig* / королек, оказались единичны (0,7 %). Наиболее типичными животными для немецких сказочных текстов являются лошадь, лиса, волк, петух / курица, собака и кошка.

К самым распространенным персонажам русского сказочного дискурса о животных относятся: лиса, волк, петух, медведь, козел (коза), заяц, кот, журавль, курочка. Практически каждое животное в сказочных текстах наделено устойчивым характером. Особенно это касается диких животных: лисица в русском тексте сказки обладает хитростью и коварством, например в сказке «Лиса и тетерев»: «*Терентий, Терентий! Я указ добыла*». «*Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла так добыла*». «*Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам*» [Лиса и тетерев. №31. С. 43].

Волк в представлениях русского человека – опасный, сильный, жадный и всегда голодный зверь. Умом он особенно не блещет и может быть побеж-

ден хитростью противника: *Дорогою бирюк и говорит овце: «А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?»* Лиса услышала и подхватила: *«Взаправду, кум, твой?»* – *«Верно, мой!»* – *«Побожись?»* – *«Побожусь!»* – *«К присяге пойдешь?»* – *«Пойду».* – *«Ну, иди, целуй присягу».* Тут лиса сметила, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела бирюка к самому капкану и говорит: *«Ну, вот здесь целуй!»* Только что сунулся бирюк сдуру – а капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобра-поздорову [Овца, лиса и волк. №28. С. 40].

Образ медведя олицетворяется в русском сознании неоднозначно. Если с виду он сильный и умный хищник, то в сказочном дискурсе его образ зеркально противоположен: *Петух увидал медведя и запрыгал по насести; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!»* Медведь испугался и пустился назад, бежал-бежал, от страху упал и умер [Медведь и петух. №65. С. 78].

Трусость, незащитность, доброту и доверчивость олицетворяет заяц: *Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала* [Лиса, заяц и петух. №14. С. 26].

Лесные птицы характеризуются как безобидные и слабые существа: *«Эй, дятел! Брось ты мне (своего птенца. – А.П.), я его выучу кузнечному».* Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела [Лиса и дятел. №32. С. 43].

По-разному дается оценка и домашним животным. Например, собака характеризуется как умное и преданное человеку животное: *Жили мужик да баба и не знали, что есть за работа; а была у них собака, она их и кормила и поила* [Собака и дятел. №66. С. 79]. Кот сочетает в себе смелость и большую лень: *Кот в поле услышал голос петуха, бросился в погоню, достиг лису, отбил петуха и принёс домой* [Кот, петух и лиса. № 37. С. 48].

Частотность присутствия зверей в русских сказках включает в себя также 20 наименований животных и птиц в 61 тексте сказочного дискурса, лингвистический анализ которых позволил представить следующую статистику: лиса – 21%; лошадь, конь – 18,9; волк – 16,89; медведь – 16,1; собака – 15,4% и т.д. Наименьшая частотность присутствия у соболя – 1,4% и утки – 1,4%. Присутствие же названий остальных животных и птиц, таких как *бобёр, лев, олень, осёл, сурок, белка, рябчик, сова, сокол, дрозд, тетерев, дятел, коршун, воробей,* в сказках равно 1 единице и составляет 0,7 %.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют заключить, что определенная часть животных у обоих народов получает достаточно близкую характеристику, например, лиса и волк встречаются с почти одинаковой частотностью. Во многих текстах немецкого сказочного дискурса образ волка ассоциируется с жадностью, голодом, доверчивостью, коварством и другими чертами и мало чем отличается от русского. Некоторые животные и птицы не были известны немцам и русским и не получили отражения в народном фольклоре. Образ лисы во многом схож с русским – она хитрая и находчивая, но ей часто не удается перехитрить других животных из-за своей жадности. Медведь, который так часто встречается в русских сказках, в немецких появляется

редко. Скорее всего, это связано с незначительной популяцией этого животного в Германии, что затрудняло наблюдение за его повадками и описанием характера. Кошка же в текстах русских сказок воспринимается ленивой и глупой, а иногда и старым котом. А вот в немецких текстах сказок она хитрая, лживая и умная. Собака в немецких сказках вызывает у читателя жалость, а иногда и негативную реакцию. В одних случаях она безжалостно брошена хозяевами, а в других – способна предать тех, кто ей помогал. Русский же народ воспринимает собаку как верного, находчивого и преданного хозяевам друга. Из всего сказанного следует вывод, что животные и птицы в сказочном дискурсе предстают перед читателем в разных культурах неоднозначно. Каждому виду присущи свой облик, особые качества и отдельная характеристика.

В заключении диссертации делаются выводы, подводятся итоги исследования в соответствии с решенными задачами и положениями, выдвинутыми на защиту.

В качестве **перспективных** направлений данной работы мы видим следующие:

1) уточнение и расширение композиционной структуры разных жанров сказочного дискурса и анализ сказочного пространства в других лингвокультурах;

2) дальнейшая разработка статусирования сказочного дискурса как лингвокультурного феномена, в пространстве которого представлены национально маркированные этнокультурные фрагменты национального образа мира, а также интегративный ракурс исследования образов животных и птиц в сказочном дискурсе других лингвокультурных общностей.

Основные положения диссертации представлены в следующих **публикациях**:

Научные статьи в журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Поверенная, А.А. Зарождение и формирование сказки как самостоятельного жанра в немецкой и русской лингвокультурах / Ю.П. Нечай, А.А. Поверенная // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2019 – Вып. 3. – С. 37–42 (0,4 п.л.) .

2. Поверенная А.А. Языковые средства реализации сюжета русской волшебной сказки / Ю.П. Нечай, А.А. Поверенная // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 90, № 1. – С. 99–103 (0,3 п.л.) .

3. Поверенная, А.А. Немецкая и русская народная сказка: лингвостилистические особенности отражения духовной культуры и жизненного уклада / А.А. Поверенная // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 90, № 1. – С. 105–110 (0,4 п.л.).

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

4. Adamovich, A. (Poverennaya) «Ethnic and linguocultural features of the German and Russian fairy tale» / Yu. Nechay, A. Adamovich (Poverennaya) // Sci-

entific research of the SCO countries: synergy and integration» (Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция): сб. междунар. науч. конф.– Пекин, 2019 г. – С. 48–56 (0,6 п.л.).

5. Poverennaya, A. Metaphor, comparison and epithet in the language of Russian folk tales: functional aspect / Yu. Nechay, A. Adamovich (Poverennaya) // Norwegian Journal of development of the international science. – 2019. – №32. – Part 2. – P. 41–47 (0,4 п.л.).

6. Poverennaya, A. Functional features shaped means in the language of German and Russian fairy tales / Yu. Nechay, A. Adamovich (Poverennaya) // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). – 2019. – Vol 3, №41. – P. 62–66 (0,3 п.л.).

7. Поверенная, А.А. Специфика языка немецкой и русской волшебной сказки. Краснодар / Ю.П. Нечай, А.А. Поверенная // Германистика в современном научном пространстве: VI Междунар. науч.-практ. конф.– Краснодар, 2020. – С. 129–137 (0,6 п.л.).

8. Поверенная, А.А. Лексико-синтаксическая специфика языка немецкой и русской волшебной сказки / Ю.П. Нечай, А.А. Поверенная // Annali d'Italia. Scientific Journal of Italy. – 2020 – №6 – Vol. 3. –С. 40–44 (0,3 п.л.).

9. Poverennaya A. Language of German and Russian fairy tales: methods and techniques of word formation // Science. Education. Practice: materials of the International University Science Forum.Toronto: Infinity Publishing, – 2020. – P. 85–91 (0,4 п.л.).

10. Poverennaya, A. Metalanguage substantiality German and Russian fairy tales. / Yu. Nechay, A. Adamovich (Poverennaya) // Process Management and Scientific Developments: materials of the International Conference. –Birmingham, United Kingdom, 2020. – P. 127–133 (0,4 п.л.).

11. Поверенная, А.А. Лингвокультурные концепты «Arbeit / Faulheit» в немецких и русских волшебных сказках / Ю.П. Нечай, А.А. Поверенная // Германистика в современном научном пространстве: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 169–175 (0,4 п.л.).